

Л. П. Лашук

КОЧЕВНИЧЕСТВО И ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИСТОРИИ¹

Проблемы историко-культурной и социально-экономической специфики кочевничества являются интереснейшими в этнографической науке, им посвящено немало работ, в которых кочевничество рассматривается в двух аспектах: в качестве хозяйственно-бытового феномена в общей истории культуры и социально-политического явления со своеобразным ходом развития в системе общего всемирно-исторического процесса.

Чтобы анализировать кочевничество как социально-политическое явление, исследователь должен владеть как этнографическим материалом и новейшими методами исторической социологии, так и политэкономической теорией², в которой, в частности, подчеркивается, что производство есть не только особенный вид хозяйственной деятельности (земледелие, животноводство, промыслы, ремесло и т. д.) или его технико-организационная структура, но и совокупность определенных производственных отношений, которые при наличии широкого общественного разделения труда выходят далеко за рамки специализированных отраслей хозяйства и образуют благодаря этому целостную надотраслевую структуру экономических отношений разных групп населения. С позиций марксистской политэкономии вопросы, относящиеся к реальному движению производства в рамках общественных организаций, «сводятся в конечном счете к тому, каким образом общеполитические условия воздействуют на производство, а также к отношению между производством и историческим развитием вообще»³. Вместе с тем, когда выясняются условия, которые более или менее способствуют производству, как, например, прогрессирующее и стагнационное состояние общества, необходимы «исследования о состоянии производительности по периодам, в ходе развития отдельных народов»⁴. Такие исследования нацелены на

¹ По поводу статьи Г. Е. Маркова «Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии», «Сов. этнография», 1970, № 6.

² Такого принципа придерживался Ф. Энгельс, писавший: «рассмотрим в заключение общие экономические условия, которые подрывали родовую организацию общества уже на высшей ступени варварства и совершенно устранили ее с появлением цивилизации. Здесь „Капитал“ Маркса будет нам столь же необходимым, как и книга Маргана» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 156).

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 723.

⁴ Там же, стр. 712. Такого принципа, в частности, придерживается В. В. Грайворонский, дающий качественную характеристику специфической экономики тех стран, в которых до сих пор в той или иной степени сохраняется кочевое или полукочевое животноводство. См.: В. В. Грейворонский, Преобразование кочевого образа жизни в МНР, «Народы Азии и Африки», 1972, № 4. В этой статье кочевой образ жизни определяется как «исторически сложившаяся и устойчивая совокупность особенностей производственной общественной и личной жизни скотоводов-кочевников, выражающаяся в своеобразии предмета, орудий и характера труда, приемов ведения хозяйства, общественных отношений, материальной и духовной культуры и быта, обусловленных спецификой кочевого скотоводства как типа хозяйства» (стр. 23).

то, чтобы показать, как с изменением исторических условий меняется конкретная экономика определенной общественной системы.

Эти положения нельзя забывать и тогда, когда исследователь пытается осветить специфический характер социально-экономической структуры собственно кочевничества и порой отвлёкается не только от исторической и общеэкономической связи кочевников с земледельческим населением, но и от общеэкономических закономерностей развития любого особого вида производства. Такой подход порождает представление о кочевничестве как об исключительном явлении, для которого можно установить «особые» законы политэкономии. Такого рода концепция предложена Г. Е. Марковым в статье, посвящённой исторической структуре кочевнических обществ⁵. В этой работе автор прежде всего обращается к авторитету основоположников марксистской политэкономии, действительно отметивших целый ряд специфических проявлений *общих социально-экономических закономерностей* в историческом движении народов от варварства к цивилизации, от военно-демократических порядков последней стадии общинно-родового строя к раннеклассовому обществу и далее к структурам феодального типа.

Читая названную статью в ее установочной части, нельзя не заметить, что автор, во-первых, не реализует всех возможностей углубленного анализа вопроса, ясно указанных в сочинениях Маркса и Энгельса; а во-вторых, не совсем верно трактует некоторые их положения. Так, в урезанном виде на передний план выдвигается следующее положение Маркса: «То обстоятельство, что, например, в животноводстве, когда оно ведется в крупных размерах, масса применяемой рабочей силы очень мала по сравнению с постоянным капиталом в виде самого скота» (на этом цитата искусственно обрывается.— *Л. Л.*). ... Между тем, далее у Маркса читаем: «...могло бы казаться решающим аргументом против того положения, что земледельческий капитал, в процентном отношении, приводит в движение рабочей силы больше, чем неземледельческий средний общественный капитал»⁶. Совершенно ясно, что в данном случае Маркс оперирует категориями капиталистического производства, так как в целом он рассматривал тогда вопрос о техническом и стоимостном строении приведенных в действие определенных органических совокупностей постоянного и переменного капитала современного ему буржуазного общества⁷.

О каких-либо «вневременных» кочевниках тут не сказано ни слова, что, однако, не помешало Г. Е. Маркову попытаться, со ссылкой на Маркса, обосновать собственный тезис о том, что характерной чертой «скотоводческого экономического базиса» была «кочевническая организация, в основе которой были хозяйственно-самостоятельные семьи, имевшие в частной собственности скот (капитал)»⁸, что в силу этого «любой разбогатевший скотовод мог присвоить посредством капитала (скота) необходимые участки пастбищ», вследствие чего «у кочевников эксплуатация носила свободный экономический характер в виде найма или прикрывалась племенными традициями»⁹.

Когда же и при каких обстоятельствах возникла подобная «кочевническая организация», охарактеризованная в основном с привлечением категорий капиталистического способа производства? По Г. Е. Маркову

⁵ Г. Е. Марков, Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 327.

⁷ Там же, стр. 325—328.

⁸ Г. Е. Марков, Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии, стр. 86.

⁹ Там же, стр. 76, 77.

получается, что это могло иметь место еще в I тысячелетии до н. э., когда в связи с формированием кочевнического хозяйства первобытнообщинные отношения у скотоводов окончательно разложились, причем «в ходе этого процесса в семейную собственность превратилось одно из главных средств производства — скот, рассматриваемый Марксом как капитал; резко возросли обмен, имущественное и социальное расслоение»¹⁰. Если здесь поставить точку, то у читателя возникнет законный вопрос, почему именно кочевничество, отличавшееся в целом невысоким экономическим потенциалом (в силу его экстенсивности, слабой технической оснащенности, раздробленности, натуральности и т. д.), сыграло в древние времена такую революционную роль в подъеме производительных сил в степной полосе Евразии? Стремясь преодолеть явное противоречие своего тезиса, Г. Е. Марков отмечает, что следует все-таки учесть «...разносторонние связи с населением оседло-земледельческих областей»¹¹; тем не менее «резкие изменения наступали лишь тогда, когда кочевники оказывались втянутыми в социально-экономические отношения развитых оседло-земледельческих народов, особенно в эпоху капитализма»¹².

Итак, нам предлагаются два резко противоречащих друг другу вывода: о необычайно раннем превращении скота в «капитал» у кочевников и о том, что решающий толчок к ускоренному социально-экономическому развитию они получили сравнительно поздно, особенно в эпоху капитализма. В самом деле, если рассматривать скот в качестве вечной категории «постоянного капитала», то можно сделать вывод, что уже при разложении родового строя у кочевников появились капиталистические предпосылки (например, в виде монополизированных определенной частью общества средств производства, также обособившихся по отношению к живой рабочей силе продуктов и условий приведения в действие самой этой рабочей силы). Как известно, капитал в любой его форме — «это не просто сумма материальных и произведенных средств производства», а «превращенные в капитал средства производства, которые сами по себе столь же мало являются капиталом, как золото и серебро сами по себе — деньгами»; в конечном итоге капитал — «это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер»¹³.

Как ни странно, Г. Е. Марков не обратил внимания на эти хорошо известные истины марксистской политэкономии и тем, что он рассматривает скот в качестве капитала у патриархальных кочевников, возвращает читателя к некоторым формулировкам А. Смита и Д. Рикардо. Последний допускал, что даже в «первобытном состоянии общества... охотнику нужен для его промысла некоторый капитал, хотя, возможно, созданный и накопленный им же самим», что «все орудия, необходимые для охоты на бобра или оленя, могут принадлежать одному классу людей, а труд, применявшийся при охоте, доставляться другим классом»¹⁴. Анализируя эти высказывания, Маркс неоднократно их критиковал, указывая, в частности, на обычный силлогизм буржуазной классической политэкономии: «Капитал есть, между прочим, также и орудие производства, и прошлый,

¹⁰ Г. Е. Марков, Проблемы этнических общностей и этнических процессов, «Вопросы философии», 1970, № 12, стр. 154.

¹¹ Действительно, относительно ускоренные темпы социально-экономического развития причерноморских скифов-кочевников или центральноазиатских хуннов можно понять только с учетом их прямого включения в оживленную жизнь «варварской периферии» высоко цивилизаций — античной и древнекитайской.

¹² Г. Е. Марков, Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии, стр. 74, 75.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 380, 381.

¹⁴ Д. Рикардо, Соч., т. I, М., 1941, стр. 9, 10.

объективированный труд. Стало быть, капитал есть всеобщее, вечное естественное отношение. Это получается потому, что отбрасывают как раз то специфическое, что одно только и делает „орудия производства“, „накопленный труд“, капиталом»¹⁵. По определению Маркса, все наивные выражения А. Смита и Д. Рикардо о разных формах капитала (в том числе и скот в качестве постоянного капитала) имеют смысл «лишь при предпосылке, что капиталистический способ производства является господствующим»¹⁶.

Оперирование понятием «скот в качестве капитала» с начала возникновения кочевничества находится в очевидном противоречии со следующим тезисом самого Г. Е. Маркова: «Имущественное и социальное расслоение не достигало внутри кочевничества уровня развитых классовых отношений, так как большая часть непосредственных производителей-скотоводов, лишенных средств производства, вынуждена была искать занятия вне скотоводства. Когда в среде кочевничества начинались процессы формирования классовых отношений — в феодальной или капиталистической форме, кочевничество разлагалось, и скотоводы превращались в оседлое население»¹⁷. Скот может стать капиталом в крупном животноводческом хозяйстве лишь тогда, когда «условия труда становятся собственностью одного класса, а в распоряжении другого класса остается одна только рабочая сила»¹⁸, которая по причине ее избытка в известной пропорции вытесняется из данной отрасли, но это происходит при наличии возможности «свободного» переливания рабочей силы из скотоводства в земледелие и промышленность. В животноводческом хозяйстве, организованном по-капиталистически, кочевничества как массового и совершенно самостоятельного хозяйственно-бытового явления быть не может.

Напротив, феодальная система общественно-экономических отношений приковывает к себе массу земледельцев и скотоводов, в той или иной степени лишенных собственных средств производства, и воспроизводится как эксплуататорская система путем безвозмездного присвоения прибавочного труда действительных работников в форме их «добровольных» служб за «покровительство», натуральных «взаимных услуг» за наделение бедноты скотом, а также в форме прямой кабалы, данничества и т. д. Все эти отношения отнюдь не влекут за собой обязательного «выталкивания» разорившихся производителей из сферы скотоводства, а наоборот, предполагают наличие некоторого резерва имущественно несостоятельных работников, которых можно опутать разными видами личной зависимости.

Г. Е. Марков, видимо, не считает необходимым углубляться в анализ этих экономических явлений (может быть, потому, что они убедительно раскрыты многими исследователями скотоводческих обществ средневековья), находя достаточным мимоходом оговориться, что установленные тесные и разносторонние связи с оседлыми народами «могли в определенных случаях способствовать значительному развитию феодального уклада в среде кочевничества»¹⁹. Но ведь и при такой исторической ситуации разносторонние (т. е. основанные на общественном разделении труда) хозяйственно-обменные связи с соседями и собственный феодальный уклад у кочевников должны были обязательно воспроизводиться, имея свою экономическую базу в рамках определенной

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 711.

¹⁶ Там же, т. 26, ч. II, стр. 166.

¹⁷ Г. Е. Марков. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии, стр. 78.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26, ч. 1, стр. 52.

¹⁹ Г. Е. Марков. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии, стр. 77.

общественной системы, создающей благоприятные условия для преимущественного роста феодальных отношений независимо от того, какую бы конкретную форму последние ни принимали. Предоставив читателю самому догадываться, как все это могло совершаться (что является вопросом принципиальной важности), Г. Е. Марков дает понять, что предмет его исследования — вовсе не эти «исключения из правил», а «чистое» кочевничество, которое в качестве некоего общественно-хозяйственного «изолята» спонтанно никогда не порождало социально-экономических отношений феодального типа.

Разумеется, Г. Е. Марков не может не учитывать того, что история кочевников протекала не только на фоне, но и в конкретном воплощении нескольких всемирно-исторических эпох, и никогда так не было, чтобы какое-либо общество не «вписывалось» в круг закономерностей общечеловеческой истории. Вот почему Г. Е. Марков предлагает наиболее подходящее, как ему кажется, решение diskutируемого вопроса: «В научном наследии классиков марксизма содержатся ценные указания, открывающие пути для выяснения общественных отношений и общественной организации у кочевников. Речь идет о „военной демократии“. Это была эпоха, когда родовые отношения разлагались или уже разложились, когда существовали отношения имущественной и социальной дифференциации и происходило сложение классов»²⁰.

Маркс и Энгельс, действительно, проявляли повышенный интерес к особенностям производства и общественной структуры кочевников Азии, но было бы неправомерно делать вывод о том, что в своих высказываниях основоположники марксизма всегда делали упор на традиционном «варварстве» и военно-демократическом строе скотоводческих обществ, не знакомых-де с какой-либо формой государственности и связанной с ней социально-политической субординацией, что, например, «даже у монголов эпохи Чингисхана Маркс находит только отдельные элементы феодальных отношений, причем связывает их происхождение не с производственными отношениями, а с условиями военной жизни»²¹. Утверждение это противоречит политико-экономической теории Маркса и некоторым его высказываниям относительно характера производственных отношений у средневековых кочевников.

В поисках «ключа к восточному небу» Маркс и Энгельс неоднократно обменивались мнениями по различным вопросам, касающимся истории кочевников. Так, в 1853 г. Энгельс обращал внимание Маркса на то, что, по его мнению, племенные генеалогии арабов своим происхождением обязаны древнепатриархальному способу существования, а также не обнаружил (в общеисторическом смысле) «чего-то особенного» в периодических нашествиях кочевников на страны земледельческого пояса. Маркс, в свою очередь, заметил, что, во-первых, «у всех восточных племен можно проследить с самого начала истории *общее* соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части»; во-вторых, что изменение важных торговых путей нередко приводило в движение кочевников в целях овладения выгодными им экономическими коммуникациями; в-третьих, что царственные предводители кочевнических армий (например, Великий Могол), захватывая земледельческие страны, объявляли себя верховными

²⁰ Г. Е. Марков, Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии, стр. 77. В настоящее время на «военную демократию» существует исторически дифференцированный взгляд, различающий военно-демократический строй внутри генетического племени и стадийно более зрелую военно-иерархическую структуру межплеменных объединений. См., например, А. М. Хазанов, Военная демократия и эпоха классовобразования, «Вопросы истории», 1968, № 12.

²¹ Г. Е. Марков, Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии, стр. 78.

собственниками всех земель и содержали свое многочисленное войско за счет эксплуатации крестьян-aborигенов²², т. е. посредством по-особому организованных производственных отношений.

Позднее Маркс прослеживал такую закономерность на примере государства Чингисхана, положившего «начало огромному объединению орд, на основе которого им будет создана мировая держава» с феодальным внутренним порядком, многие воспринявшим от феодального права Китая²³. Маркс обратил внимание на специфический характер татаро-монгольского господства на Руси: «Татарские ханы угнетали издавна [за исключением сбора дани они не вмешивались во внутренние русские дела], но их послы, откупщики государственных доходов и сборщики податей — бассаки — находились внутри страны»²⁴. Современные исследования подчеркивают, что татаро-монгольское иго, порожденное своекорыстным союзом кочевой знати, повсеместно сопровождалось жестоким сграблением населения завоеванных стран. Но это военно-феодальное господство влекло за собой не только разбойный грабеж²⁵. Правители среднеазиатских ханств в XIII—XIV вв. хорошо понимали, что «порядок, соби́рание доходов и все дела наши и ваши (военно-кочевой знати и войска.—Л. Л.) и благосостояние бывает от старания и труда райятов, от земледелия и от дел торговли. Если мы райятов (крестьян) ограбим, тогда с кого можно будет требовать?»²⁶. Названные здесь агенты фискальной и тарханно-кормленной системы были необходимыми элементами развивающейся феодальной, а вовсе не архаической военно-демократической системы, которая зиждилась не только на военной организации по родам и племенам, но и на том традиционном (становящемся все более формальным) основании, что в данном племенном обществе нет еще прямых отношений господства и принудительного подчинения, вытекающего из самих условий материального производства, характера неравноправного распределения и присвоения средств производства, общественного труда и его продуктов.

Лейтмотивом статьи Г. Е. Маркова служит неоднократно повторенная мысль о том, что наиболее организованная социальная структура кочевников была связана «с условиями военной жизни», со всеобщим вооруженным ополчением народа, а это «затрудняло или исключало возможность внеэкономической эксплуатации», между прочим, потому, что в период войн и больших переселений «на первый план выдвигались военные и политические интересы, а интересы скотоводческого хозяйства отходили временно на второй план»²⁷.

В этой связи необходимо точно определить, по какой причине, в чьих интересах и на какие средства велись бесконечные войны и перемещения кочевников из одной области в другую. Данная проблема не однозначна, так как она самым непосредственным образом затрагивает различные стороны жизни кочевнических обществ и их социальных подразделений.

Хорошо известен взгляд Маркса на военную организацию варварского общества, где «война является той важной общей задачей, той

²² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 28, стр. 209—210, 214, 215.

²³ «Архив Маркса и Энгельса», т. V, М., 1938, стр. 219, 220, 227.

²⁴ Там же, т. VIII, М., 1946, стр. 153.

²⁵ См. «Татаро-монголы в Азии и Европе», М., 1972. Напомним, что в связи с рассуждениями Е. Дюринга о «формах социально-экономического строя, имеющих чисто политическую природу», Ф. Энгельс заметил, что «именно насилие больше всего зависит от наличных условий производства». См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 647, 650.

²⁶ Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. 1, М.—Л., 1952, стр. 12.

²⁷ Г. Е. Марков, Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии, стр. 76, 88.

большой общей работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот охранить и увековечить...». И далее: «поэтому состоящая из семей община (любой величины вплоть до племени.— Л. Л.) на первых порах организована по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственности»²⁸.

В обществах, поднявшихся до уровня цивилизации, несмотря на частые войны, доля мирного сельскохозяйственно-ремесленного труда была неизмеримо выше доли труда военного, становившегося по преимуществу профессиональным за счет углубившегося общественного разделения труда между армией и производителями материальных благ. Это положение подтверждается материалами по странам древнего Востока, средиземноморскому античному миру, по обществам раннесредневековых германцев и славян. Необходимый для перехода к раннеклассовой цивилизации уровень производительных сил здесь повсюду определялся уровнем развития сельского хозяйства (при более или менее гармоническом сочетании земледелия и животноводства), создававшего базу для роста ремесла и торговли. В частности, феодализм в Европе вырос не непосредственно из «организации военного дела у варваров во время самого завоевания» ими ряда стран, а «благодаря воздействию производительных сил, найденных в завоеванных странах»²⁹.

Не подлежит сомнению, что по уровню и темпам развития производительных сил скотоводы-степняки отставали от народов земледельческого пояса, тогда как относительно высокий прирост населения «при традиционном и единственно для него возможном примитивном способе производства», объективно толкал кочевнические общества к прямому захвату естественных условий производства (неистощенных пастбищ) и произведенных средств существования у соседей³⁰. Действительно, интересы скотоводческого хозяйства у кочевников (если они оставались таковыми) никогда не отходили, даже временно, на второй план. На стадии их «варварского» состояния особенно чувствовалось «давление избытка населения на производительные силы», ибо, как указывал Маркс, «Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы»³¹.

Таким образом, вынужденные миграции и войны, сопровождавшиеся захватом пастбищных пространств и чужого имущества (особенно скота), были для кочевников наиболее подходящим средством для преодоления ограниченности их традиционного способа производства — патриархально-общинной системы, кстати, у всех категорий сельского населения, рассчитанной преимущественно на собственное потребление, когда любой мелкий производитель, наделенный условиями и средствами труда (будь он скотоводом или земледельцем), «производит всегда сам себе средства к жизни независимо, как обособленный работник со своей семьей»³².

В данном случае нами подчеркивается общее экономическое соответствие, а не тождественность между патриархально-кочевой и патриархально-земледельческой общинами, которые, конечно, не идентичны

²⁸ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, «Вестник древней истории», 1940, № 1, стр. 11, 12.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 3, стр. 74.

³⁰ Там же, стр. 21.

³¹ Там же, т. 8, стр. 568.

³² Там же, т. 25, ч. II, стр. 371.

друг другу во многих отношениях. Это отмечал и Маркс, писавший: «в качестве первой великой производительной силы выступает сам коллектив; для особого рода условий производства (например, скотоводства, земледелия) развивается особый способ производства (тут по смыслу: техническая и организационно-трудовая структура.— Л. Л.) и развиваются особые производительные силы как субъективные, проявляющиеся как свойства индивидов, так и объективные»³³.

О специфических условиях хозяйственно-бытовой жизни традиционной кочевой общины написано так много и хорошо, что нам нет необходимости повторяться; подчеркнем лишь то обстоятельство, что, если в частновладельческой (по отношению к земле) соседской общине земледельцев «община сама по себе вообще не существует вне *собрания* членов общины и вне их соединения для общих целей», то «у кочевых пастушеских племен община всегда на деле собрана вместе; это общество спутников (*Reisegesellschaft*), караван, орда, и формы субординации (социально-организованной структуры.— Л. Л.) развиваются из условий этого образа жизни»³⁴. Вот почему это «общество спутников» в оболочке простейшего социального организма с внешней стороны рисуется неизменной величиной, пронизанной «неформальными» (как сказали бы социологи) узами родства, свойства и взаимовыгодного соседства. Такая община, действительно, может существовать бесконечно долго, до тех пор, пока существует ее основная экономическая предпосылка, состоящая в том, что все члены более или менее равномерно обеспечены средствами производства, причем в частном порядке «*присваивается и воспроизводится* здесь на самом деле только стадо, а не земля, которую, однако, на каждом месте стоянки временно используют *сообща*»³⁵.

Тем не менее, было бы ошибкой рассматривать в целом исторически по-своему подвижную (но, по Г. Е. Маркову, в принципе неизменную) систему экономического базиса кочевнических обществ только с позиций социально-экономических отношений, действовавших в рамках небольшого равноправного объединения по совместному выпасу скота. Совершенно верно поступают те исследователи, которые видят несомненный процесс трансформации этого базиса на уровне межобщинных и племенных отношений, где этот процесс собственно и начинается, а затем проникает «внутрь» рядового кочевнического объединения. На поздней стадии военной демократии, а тем более развившегося далее классогенеза, решающее значение среди прочих форм социальной связи приобретают исторически новые политико-экономические отношения, в которых есть уже разной степени зрелости элементы господства одних, подчинения и зависимости других³⁶.

Рассматривая эволюцию общинного строя именно в таком расширенном плане, Маркс признавал его жизненность только при описанных выше «заранее установленных объективных условиях»; но «само производство, рост населения (а он тоже относится к производству) неизбежно расшатывает мало-помалу эти условия, разрушает их вместо того, чтобы воспроизводить», новые социальные элементы разрушающе действуют на экономическую предпосылку еще недавно равнообеспеченной общины, происходит «изменение этой экономической предпосылки, вызванное ее собственной диалектикой, обеднение и т. д. ...В особенности

³³ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, стр. 24.

³⁴ Там же, стр. 17, 21.

³⁵ Там же, стр. 21.

³⁶ См., например: С. М. Абрамзон, *Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ*, «Сов. этнография», 1970, № 6; И. Л. Андреев, *Специфика некапиталистического развития народов, не завершивших процесса складывания классов*, «Вопросы истории», 1970, № 9.

влияние военного дела и завоеваний (что, ...по существу относилось к экономическим условиям самой общины) подрывает реальную связь, на которой она держится»³⁷. Маркс вывел эту закономерность трансформации и разрушения общинного строя, основываясь на материале истории древних земледельческих обществ, но такая же тенденция развития по-своему действовала в обществах средневековых кочевников, о чем свидетельствует общеизвестная литература³⁸.

Странно, что, сделав те или иные оговорки в пользу принятых всеми советскими этнографами взглядов на социально-экономический генезис кочевников в докапиталистический период, Г. Е. Марков снова вернулся к идее о невозможности существования «чистого» кочевничества вне стадияльно-исторических рамок военной демократии. На сей раз кочевничество представлено им в виде своеобразного социально-политического явления, имевшего при последовательном развертывании в истории две периодически сменяющих друг друга ипостаси: «общинно-кочевое состояние» с аморфной социальной структурой в мирное время и «военно-кочевое состояние» с четко организованной племенной и надплеменной структурой общества во времена длительных войн. Получается, что здесь нет поступательного исторического процесса, как в земледельческих обществах, а есть лишь своего рода «колебательное» движение во времени и пространстве социальных структур кочевников, ибо «переход их общественной организации из „общинно-кочевого“ состояния в „военно-кочевое“ и обратно — явления обратимые» до тех пор, пока вообще существовало кочевничество³⁹.

Допустим, что, рассматривая структуру кочевнических обществ с исторической точки зрения, автор хотел применить структурно-функциональный метод исследования, но как бы к последнему ни относиться, он не должен быть формальным и произвольным. В марксистском понимании такой метод требует прежде всего углубленного проникновения в скрытую структуру экономической системы, в частности «проникновения в организацию и производственные отношения всех отживших общественных форм»⁴⁰. Именно благодаря этому возникает правильное научное представление не только об «анатомии» (строении и соотношении элементов), но и о «физиологии» (функциональной системе, внутренней органической связи и жизненном процессе любого общества)⁴¹. В таком аспекте фундаментальное основание общества определяется не сменяющимися друг друга состояниями мира и войны, не структурной мозаикой и функциональной корреляцией составляющих его элементов, а диалектическим взаимодействием производительных сил и производственных отношений, которое, находя себе опору в этих главных компонентах структуры любого общества как органического целого, составляет основное содержание функционирования и развития общественного бытия. Не та или иная перетасовка, интеграция и дезинтеграция структурных единиц данного общества, а «развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой»⁴².

Как отмечалось выше, с помощью военного дела кочевники стремились преодолеть ограниченность своего производственного потенциала,

³⁷ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, стр. 18.

³⁸ Эта обширная литература хорошо представлена в обобщающих работах; С. М. Абрамзон, *Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии*, сб. «Родовое общество», «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. XIV, 1951; А. И. Першиц, *Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. (историко-этнографические очерки)*, ТИЭ, т. XIX, 1961.

³⁹ Г. Е. Марков, *Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии*, стр. 89.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 12, стр. 731.

⁴¹ См. там же, т. 26, ч. II, стр. 177, 178.

⁴² Там же, т. 23, стр. 499.

но развитие военной организации в конечном счете только углубляло их внутренние противоречия, так как в кочевнической среде (да и не только в ней) «война раньше достигла развитых форм, чем мир..., отношение между производительными силами и отношениями общения особенно наглядно в армии»⁴³. Объективный ход развития кочевнических обществ, когда вследствие крупных завоевательных войн они овладевали новыми производительными силами, вовсе не вел их фатально к «обратимому» общественному состоянию на прежних экономических основаниях. Конкретная история народов нашей страны всецело подтверждает наблюдение Маркса, что при всех завоеваниях возможен тройкий исход: народ-завоеватель навязывал побежденным собственный способ производства или он оставлял старый способ производства аборигенов в неизменности и довольствовался данью с побежденных, или же происходило взаимодействие первого и второго способов производства, вследствие чего элементы обоих синтезировались в новую экономическую структуру⁴⁴.

В ходе завоевания Средней Азии и установления там своего владычества монголы «навязали» коренному населению этой обширной страны все три вида использования производительных сил в обстановке прямого господства и подчинения. Но если поначалу, например в Семиречье, монголо-тюркские кочевники попросту превратили земледельческие земли в пастбища и безудержно грабили остатки оседлого населения, то позднее в Хулагуидском и Чагатайском улусах возобладала тенденция к государственному упорядочению системы налоговых сборов с оседлого и кочевнического населения, к восстановлению разрушенных ранее производительных сил, налаживанию городской торговли и регулярного взаимообмена между земледельцами и скотоводами. Несмотря на то, что кочевническая знать в течение всего XIV в. здесь оставалась верной кочевому быту, она, занимая господствующие позиции в местном обществе, все более феодализировалась под воздействием аборигенной среды и сама порождала новые феодальные формы⁴⁵. Так складывались исторически необратимые основания и отношения военно-феодального быта, которые ясно просматриваются и в кочевнической Золотой Орде⁴⁶.

В работе Г. Е. Маркова эти неплохо изученные историками социально-экономические процессы приобретают совсем иной вид: «крайним следствием усиления военной организации было возникновение кочевых империй как законченного выражения идеи военной централизации подвижных скотоводов», но «после распада империи и децентрализации племен, по мере того, как увеличивалась самостоятельность кочевых групп, власть и влияние военно-племенных предводителей ослабевали. Этому способствовали поголовное вооружение кочевников и другие факторы. Одновременно происходило усиление влияния зажиточной прослойки общества, которая, совместно с племенными старейшинами, образовала его верхушку»⁴⁷. Расплывчатость этих формулировок вызвана, видимо, нежеланием автора дать четкую социально-экономическую и политическую квалификацию затронутых явлений. Характеризуя «коче-

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 735. Дефиницией «отношения общения» здесь определены производственные отношения, т. е. все те общественные отношения, в силу которых люди в процессе своей экономической деятельности находятся в состоянии общения, приводящем в конечном счете к распределению и потреблению наличных материальных благ (в том числе, конечно, и в армии).

⁴⁴ Там же, Соч., т. 23, стр. 723, 724.

⁴⁵ И. П. Петрушевский, Рашид ад-Дин и его исторический труд, в кн.: Рашид ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, М.—Л., 1952, стр. 12—14.

⁴⁶ Г. А. Федоров-Давыдов, Кочевая орда в улусе Джучи, «Вестник Московского ун-та», сер. историческая, 1970, № 5.

⁴⁷ Г. Е. Марков, Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии, стр. 88.

вые империи», автор далек от того, чтобы попытаться обнаружить действительную «скрытую основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства»⁴⁸. А ведь это можно было сделать на примере грандиозной кочевой империи Чингисхана, где столь ярко выступали отношения господства и подчинения, распространявшиеся на все слои кочевнического общества, в котором рядовая масса непосредственных производителей, несмотря на ее «поголовное вооружение», прямо принуждалась поступаться прибавочным трудом в форме военных служб и т. д. в пользу государства и военно-феодальной знати; и этот безвозмездно присвоенный труд служил для кочевой знати главным средством такого же безвозмездного присвоения труда и дани у населения завоеванных областей, что, будучи взятым вместе, должно рассматриваться как раннефеодальная норма, введенная затем в правило⁴⁹.

Кочевые «империи», в самом деле, то возвышались, то слабели и погибали, что в общем-то относилось к сфере «высокой политики» (всякий раз порождавшей в восточных странах «род феодальной монархии, в действительности власть многочисленных династических владельцев была ограничена») ⁵⁰, но социальная структура кочевнических обществ средневековья не делала таких резких скачков. В структуре «гражданской» системы кочевников совершался то более быстрый, то более медленный («молекулярный») процесс производства и воспроизводства тех социально-экономических порядков, которые зародились вследствие давнего установления внутривременной социальной «стратификации» (разного и неравного положения патронимических групп и отдельных семей, их социальной роли и функций), межгрупповых и индивидуальных отношений господства и подчинения, данничества и различных форм личной зависимости. В кочевнических обществах, где размежевание людей по фактическому социально-экономическому интересу отягчалось неизжитыми полностью родо-племенными связями, такой процесс воспроизводства был особенно многолик, так как его агентам — старой родовой и новой служилой знати, начальникам «поколений» и любым состоятельным лицам — всякий раз приходилось маневрировать в сложной системе общественных отношений, достигая желаемого лишь в итоге использования бесконечно разнообразных связей с окружающей социальной средой⁵¹.

Наконец, по Г. Е. Маркову, кочевая «империя» — это вовсе и не государство, а «законченное выражение идеи военной централизации», имевшей тенденцию к исторической «обратимости», т. е. к полному разрушению (вследствие преходящего характера «идеи?»); тогда как «земледельческое государство» представляет собой явление «необратимое», ибо возникает оно «в процессе становления нового способа производства как следствие появления непримиримых классовых противоре-

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 354.

⁴⁹ Рассматривая вопрос об установлении феодальной ренты, Маркс констатировал, что одним из характерных факторов при этом было то, что «после завоевания страны ближайшей задачей для завоевателей всегда становилось присвоение и людей» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 353, подстр. примеч.). В рассматриваемом нами случае «...рента выступает исторически (что еще в самых широких масштабах имеет место у народов Азии) как всеобщая форма *прибавочного труда*, труда, выполняемого безвозмездно. В отличие от капиталистических отношений, здесь присвоение этого прибавочного труда не опосредствуется обменом, а имеет своей основой насильственное господство одной части общества над другой. (Отсюда и прямое рабство, крепостничество, или отношения политической зависимости)» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26, ч. III, стр. 415).

⁵⁰ «Архив Маркса и Энгельса», т. V, М., стр. 109.

⁵¹ См., например: Г. Ф. Дахшлейгер, Казахстан накануне НЭПа, «Вопросы истории», 1966, № 8, стр. 25.

чий»⁵². В советской исторической науке никогда не было и сейчас нет потребности в дефиниции «земледельческое государство», так как не различие земледелия и скотоводства определяет исторический тип и политическую форму государства. Что же касается понятий «обратимости» и «необратимости» исторического процесса, то советские историки связывают их с вполне определенными факторами: «...такие факторы, — как справедливо пишет А. Н. Чистозвонов, — не могут быть заложены в надстрочных категориях различного рода, поскольку последние сами являются производными, лишь косвенно и опосредствованно отражая процессы, происходящие в сфере материального производства... Не более достоверной будет как критерий и острота или массовость классовой борьбы. Лишь ее социальное содержание может указывать на характер и направление исторического процесса. Однако это уже органически связано с явлениями, происходящими в сфере базиса, и именно здесь, а также в социальной структуре общества мы можем найти интересующие нас объективные факторы»⁵³.

Посвятив свою статью исторической структуре обществ кочевников вплоть до XIX в., Г. Е. Марков, видимо, не заметил в нем необратимых социально-экономических процессов; однако это ясно видят и убедительно показывают различные авторы на материалах Золотой Орды XIII—XV вв.⁵⁴, калмыков XVII—XVIII вв.⁵⁵, Казахстана XVIII в.⁵⁶ И это есть самый убедительный ответ на предпринятую Г. Е. Марковым попытку по-своему истолковать закономерную «логику истории» применительно к кочевническим обществам.

* * *

Данная статья прошла уже редакционную подготовку, когда вышла в свет новая публикация Г. Е. Маркова на сюжет, связанный с историей кочевничества в странах Азии⁵⁷. Определяя хозяйственно-культурный тип древних обществ, в трудовых занятиях которых видную роль играло кочевое животноводство, автор называет их «подвижными скотоводами» и, исходя из этого фактора «подвижности», считает кочевничество «следствием не только эволюции хозяйственных форм и осознанного стремления к более совершенным видам хозяйства, но и вынужденным, обусловленным многими причинами, процессом». Эта мысль поясняется тем, что нельзя «ожидать целенаправленных действий по усовершенствованию форм хозяйства от целых племенных коллективов, где дело решается не по усмотрению наиболее дальновидных хозяев, а по традиции и общему согласию»⁵⁸. При такой формулировке остается непонятным, что же двигало развитием хозяйственных занятий — традиция, племенное «общее согласие», фатальное давление природных факторов или еще что-либо?

Г. Е. Марков, в частности, полагает, что «цепной процесс» распространения кочевничества был обусловлен социальными и политическими

⁵² Г. Е. Марков, Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии, стр. 88, 89.

⁵³ А. Н. Чистозвонов, Понятие и критерии обратимости и необратимости исторического процесса, «Вопросы истории», 1969, № 5, стр. 80, 81.

⁵⁴ Г. А. Федоров-Давыдов, Указ. раб., стр. 77—80.

⁵⁵ Г. Г. Стратанович, У. Э. Эрдниев, Опыт анализа социальной терминологии. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964.

⁵⁶ М. Бижанов, Социальные категории казахского общества XVIII века в трудах русских ученых, в сб. «Казахстан в XV—XVIII веках», Алма-Ата, 1969.

⁵⁷ Г. Е. Марков, Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии, «Сов. этнография», 1973, № 1.

⁵⁸ Там же, стр. 112.

факторами: например, тем, что, создав сплоченную военно-кочевую социальную организацию и превратив войну в промысел, скотоводы «в поисках новых пастбищ и добычи... втягивали в сферу своего влияния и вовлекали в орбиту кочевничества все новые группы населения»⁵⁹. Читателю здесь предоставляется право самому решать, при каких же конкретно общественно-экономических отношениях совершается это «втягивание» и «вовлечение» в орбиту имманентного кочевничества значительных масс древнего и средневекового населения Евразии.

THE NOMADIC WAY OF LIFE AND THE GENERAL LAWS OF HISTORY

The paper is devoted to criticising the concept of «a nomadic type of economy» (see G. E. Markov «Some problems of the social organization fo Asiatic nomads», «Sovetskaya etnografia», 1970, № 6). By analyzing the views expressed by the founders of Marxism-Leninism socialism with regard to nomads and the nomadic way of life the author refutes the sharp contraposition between the historical evolution of nomadic societies and the universal laws of history.

⁵⁹ Там же, стр. 113.